

повесть
Илья ИЛЬИН
Шпана заветная

Мальчишкам и девчонкам
Великой Отечественной
посвящается...

4

Кремень — это его прозвище, ставшее фамилией. Настоящей фамилии своей он не помнил. Как не знал ни своих родителей, ни места, где родился. Пашкой называли в Истринском детском доме. Там же Кремень прозвали. За то, что ни когда ни в спорах, ни в мальчишеских драках никому не уступал. Когда немецкие войска напали на нашу Родину, Пашка сбежал из детдома. На фронт. Бить фашистов. До фронта он не доехал. Сняли с военного эшелона. Как следует отпарили в привокзальной бане, обработали вонючей мазью от вшей, и отправили обратно. В ноябре детский дом эвакуировали в город Горький. Пашка опять удрал. Пришёл к нам в деревню уже зимой. Худющий, замёрзший. С отмороженными щеками. В драной фуфайке и в настоящем танкистском шлеме. Постучался в наш дом.

— Господи! — воскликнула мама. — Откуда же ты такой? Чей?

— Ничей, — ответил Пашка. — Хлеба дайте.

И мама не посмела отказать, напоровшись на недетский голодный взгляд упрямых чёрных глаз.

Приютил его кузнец Харитон. Зашёл в тот же вечер к нам, принёс запаянный уют. Удивился незнакомцу. Сели чай пить. Тут и выяснилось, что Пашка сирота и идти ему некуда. Приглянулся Пашка кузнецу. У того ни жены, ни детей, и стал Пашка вместо сына Харитону.

А за шлем тот Пашку все мальчишки зауважали сразу.

Да ещё за то, что на фронт «ездил»...

— Я теперь у вас фронт ждать буду. А дальше вашего Заветова фашистам не пройти! — авторитетно заявлял Пашка. — Отступить больше некуда — позади Москва! Мне бы только автомат раздобыть. Или винтовку. Ух, я фашистам дам прикурить.

Пашка сплёвывал и воинственно шмыгал носом.

7

Мишка был наш, заветовский. Его отец ушёл воевать на

третий день войны. От него пришло только одно письмо. С тех пор Мишка, его мама и две сестрички каждый день встречают почтальоншу Фаю у ворот дома. Но она проходит мимо, качая головой и разводя руками. Опять ничего...

Тетя Фая. Наша почтальонша. Тихая, незаметная в довоенное время. Теперь её ждали и боялись. Она приносила долгожданные письма и казённые похоронки. Женщины, завидев тётю Фаю, выбегали навстречу и замирали. Так и стояли у домов вдоль улицы. Кому на этот раз?

— Мне сон приснился, — говорил Мишка. — Папку моего отправили на секретное задание, вот он и не пишет. Он не может оттуда писать.

Мы соглашались. Оттуда действительно нельзя писать.

И Мишка сам тоже верил про секретное задание.

Был Мишка белобрыс и белобров. Весь в отца. А вот сестрички — четыре косички, рыжие рыжие, в маму. Одна особенность была в этой семье — все говорили тихо тихо. Почти шёпотом. Придёшь к Мишке в гости, и кажется, что они о чём-то договариваются.

Мишка раньше всех подружился с Пашкой. И Мишка первый предложил собраться в отряд. И даже название придумал: «Юные истребители». Пашку выбрали командиром, а Мишку комиссаром.

В старой конюшне, в той, которая на высоком берегу реки Каменки стоит, заброшенной и обросшей бурьяном и ольховником, на сохранившемся сеновале устроили штаб. Там мы хранили компас, старый треугольный штык от винтовки и НЗ — неприкосновенный запас из двух банок тушёнки и полбанки прошлогоднего смородинового варенья.

— Эх! — огорчился Мишка. — Нам бы ещё пулемёт, как у Чапаева.

И он тоже сплёвывал.

8

Мы долго не хотели принимать Вальку в наш отряд. Мы были твёрдо убеждены, что девчонкам не место на войне. Они должны сидеть дома и ждать. А если нас убьют, то оплакивать. А если все девчонки уйдут на войну, кто будет нас оплакивать? Но Валька убедила нас, что на войне без сестры милосердия не обойтись. И она готова выносить нас, раненых, с поля боя, перевязывать. И делать уколы.

Валька мне нравилась. Симпатичная и смешливая девчонка. Чуть раскосые глаза и вздёрнутый носик создавали впечатление, словно она всё время чему-то улыбается. Она старательно поджимала губы и хмурилась, но насмешливое выражение не пропадало. Только зря лоб морщирила.

Пашка устроил ей экзамен: притворился раненым, и Валька тащила его от дороги до штаба. Одна. Ухватила его рукой

за талию, а он обнял её за плечи. А я сидел на крыше конюшни и впервые в жизни испытал чувство ревности. А потом решил: это же понарошку! И всё равно. Почему это Пашка раненый? Меня тоже могут ранить.

Окончательно решилось дело в её пользу, когда Валька принесла баночку йода и кусочек ваты. Раздобыла где то. — Мальчишки, — говорила Валька. — Вы воюйте, я вам мешать не буду. Буду ждать в кустиках. Когда вас ранит, вы тащу с поля боя. Только вы меня научите из винтовки стрелять. Я тоже хочу фашистов бить!

— Ладно, — сказал Пашка. — Берём в отряд. В порядке исключения. Кто за?

И мы, как взрослые на колхозном собрании, проголосовали единогласно. Валька топала ножкой и грозила кулачком куда то на запад.

Игорь был самым старшим из нас. Ему исполнилось целых тринадцать лет. У него дома было книг больше всех. Он рассказывал нам про разные страны и приключения. Мечтал поехать в Китай. Жил он с дедом и бабкой. Отец и мать на фронте. Когда то они были агрономами. А теперь отец Игоря артиллерист, а мать — радистка. Письма он получал часто. Настоящие, военные письма треугольники. Некоторые он читал нам.

— Вчера в нашу часть приезжала монгольская делегация, — читал Игорь письмо от мамы. — Чудно — они все на одно лицо. Привезли в подарок три вагона живых овец и вагон смешных маленьких монгольских лошадок. Мне подарили меховую безрукавку. И теперь мне не холодно. Опять очень близко стреляют. Опять будем отступать. Только ты сынок не думай, что мы будем отступать долго. Просто это нужно, чтобы выровнять линию фронта. Скоро погоним фашистов обратно. И до Берлина!

Игорь гордо смотрел на нас. Видали, какая у меня мама! И весь он был какой то серьёзный. Молчаливый. Казался нам необыкновенно умным. Его уважали и старались с ним никогда не спорить. Он знал всё на свете. У него была настоящая коллекция марок. Штук сто. Не то, что у меня. Пять штук и все одинаковые: с рабочим и колхозницей.

Мишка был и ростом выше нас. И нос у него больше всех. И лоб больше всех. Короткая стрижка ёжиком делала его ещё взрослее.

Мишка предложил Игорю должность начальника штаба. Все согласились. Игорь теперь всё время пропадает в штабе. Это он придумал «Торжественную клятву»: «...Защищать Родину, не щадя жизни своей, клянёмся! Бить врага без по

щадь, клянёмся! Не предавать и не сдаваться, клянёмся!»

11

12

Колька тоже наш — заветовский. У него воюет старший брат, Юрий. Отец инвалид. Ходит на деревянной колоде вместо левой ноги. Когда Кольке было пять лет, отец угодил под сеялку и ногу переломило. В больнице ногу отрезали и выписали с костылями. С тех пор Колька ходит хмурый, не весёлый. Никто не видел, чтобы он смеялся. А и правда, весёлого мало. Я бы тоже не смеялся. У Кольки, кроме отца и матери, ещё брат и сестра, близнецы. И старая престарая бабка. Она колдунья. Из за неё мы Кольку немного побаиваемся — а вдруг его бабка порчу наведёт? Будешь потом скрюченным ходить. Колька родился с "заячьей губой". Когда ему исполнился год, бабка унесла Кольку в баню и всю ночь провела там с ним. После этого губа срослась, и теперь на верхней губе белел малюсенький шрам. Жизнь заставила Кольку взять на себя многие обязанности мужчины в доме. В свои двенадцать он умел косить. Ходил за плугом. Следил за огородом. Колол дрова. Чинил крышу. Летом работал в колхозе. Крепыш невысокого роста. Мужичок. Рос настоящим хозяином. И добрым: души не чаял в близняшках, нянчился и баловал.

На третий день существования «Юных мстителей» Колька заявился в штаб.

— Хочу с вами немцев бить, — сказал он.

И вынул из за пазухи кобушка обрез. Настоящий!

— Только к нему всего один патрон, — добавил Колька.

И всё равно это было настоящее оружие!

— Ты как нас нашёл? — спросил Игорь.

— Утром видел, как сюда шли. Ну, и догадался.

— Молоток! — похвалил Игорь. — Ребята, предлагаю

Кольку зачислить разведчиком.

Так в отряде появился Колька Чиж.

Это я. Галич — моё прозвище, кличка. Как у всех нас. Нам кажется, что так проще общаться. Конечно, это нехорошо. Взрослые говорят, что клички придумывают себе бандиты и воры. Уголовники, потому что у них собачья жизнь. Мы не уголовники. Нам прозвища нужны для конспирации! Я у мамки и папки один. Ни братьев, ни сестёр. Папка воюет на фронте. Он командир танка. До войны был начальником машинно тракторной станции, сокращённо МТС. И машины водил, и трактор. Мама — бригадир доярок на ферме. Жили мы хорошо. Большой, светлый и тёплый дом. Большой двор с банькой в огороде. Папина мастерская под навесом.

Качели и фанерная машина для меня.

— Не в коня корм, — говорила мама, пичкая меня пирогами, варениками, ватрушками.

А я действительно был худющим — кости да кожа!

— Ничего, — говорил папа. — Были бы кости, а мясо на растёт!

В это лето мы закончили пять классов. Радовались долго жданным каникулам. Резвились на лужайках, купались до си невы. Ходили за первыми ягодами. Помогали взрослым на полях. Резали берёзовые ветки на веники. Ловили рыбу. Катались на лошадах. Впереди было целое лето. Дни длиннее — ночи короче...

В самую короткую ночь я проснулся рано рано. С мальчишками сговорились пойти на рыбалку к дальнему омуту. Старики говорили, что там живёт большущая рыба — то ли щука, то ли голавль. Решили попытать счастья. Закидывали удочки полдня. Солнце стало припекать и мы, искупавшись, отправились в деревню. Большую рыбу не поймали. Но несколько десятков крупных окуней и полсотни плотвичек — неплохой улов! Деревня встретила нас странной тишиной. По дворам бегали женщины. Молча или плача. Мужчины собирались кучками и курили. Тоже молча. Почуввав неладное, мы, не сговариваясь, разбежались по домам.

Отец и мать сидели за пустым столом.

— Во! — показал я кукан с насаженной рыбой.

Мать встала, забрала у меня рыбу и прижала меня к себе.

— Молодец! — сказал папка. — Ушицу сварим знатную.

Мать...

Мама всхлипнула и отпустила меня.

— Мама, пап, а чего вы не на работе? — дошло вдруг до меня.

— Война, сынок. Объявление было. О мобилизации, — сказал отец.

Мама опять всхлипнула и вышла во двор чистить рыбу.

Отец притянул меня за плечи и стал смотреть в мои глаза. Его скулы ходили ходуном, ноздри раздувались. Он часто вздыхал.

— А что такое мобилизация? — тихо спросил я.

— Наша партия и Сталин просят нас, мужчин, защитить страну от напавшего врага.

— Так ты на войну! А тебе ружьё дадут?

— Дадут.

— Ух, ты! Пап, можно с тобой? Я тоже хочу на войну!

— Ишь ты! А кто здесь останется? Кто матери помогать будет? Помни — за меня мужиком в доме остаёшься. Я дураю, к осени управимся, и я вернусь. Врагов прогоним, уро

жай соберём и заживём!

Уха получилась ничего. Немного пересоленная.

— Видно, мать немало слезинок в уху накапала, — сказал отец. — Солоновато. Давай, мать, на дорожку, да за победу скорую, доставай беленькую.

Ночь не спали. Отец выходил курить, мать за ним. Всё шептались... За неделю из деревни ушли на фронт почти все мужики. Жизнь изменилась. Когда началась война, мы орал «уррра!» И с утра до вечера играли в войну. Фашистом никто не хотел быть, и мы нападали на колхозное стадо. И всегда побеждали...

16

Когда в нашу деревню стали приходить похоронки, мы перестали играть. Мы вдруг осознали, что война — это не только «уррра!». Это когда убивают по настоящему, когда мы уже никогда не увидим дядю Серёжу, не получим от него на Новый год сахарные «петушки». Никогда не услышим гармонь Ивана, брата Вальки. Когда тётя Марина, всегда весёлая и приветливая, никогда больше не улыбнётся, потому что у неё в один день убило мужа и сына. И наш учитель истории, Алексей Сергеевич, не войдёт в класс, и не расскажет про восстание Спартака.

За полгода войны в нашу деревню прислали тринадцать похоронок.

И мы организовали отряд «Юный истребитель». Мы не верили, что немцы могут прийти в нашу деревню. Но Сорока сказал, что на всякий случай надо быть готовыми. Заяц стал начальником штаба. Кремень командиром. Сорока — комиссаром. Чиж — разведчик. Кука — сестра милосердия, а я — начальником связи и истребителем фашистских танков. Как их истреблять, я не знал. Но мой отец был танкист.

17

18

Красивая у нас деревня. Домики и палисадники как будто разбежались по холмам берегов речки Каменки. Маленькие рожицы из сосен и берёз кто то будто раскидал между дворами. Очень красиво. Всё рассказать, слов не хватает. Вот вырасту большим, выучусь на писателя и обязательно напишу про наше Заветово. Речка, хоть и небольшая, но быстрая, а весной так грозная. В прошлом году построили крепкий мост, из рельсов. Прежние, деревянные, Каменка каждую весну сбрасывала. Толстые брёвна в щепу разбивало. Километрах в трёх — дорога на Калугу. В километре станция, вернее, полустанок. Правда, там поезда не ходят. Только летом — дачный, из трёх вагонов, утром и вечером. На нём можно было доехать в Москву, до Киевского вокзала. Теперь, по ночам, железная дорога гудела, не переставая.

Шли военные эшелоны. На Запад с солдатами и техникой, а обратно — с ранеными и эвакуированными. Мы как то бегали смотреть. Днём эшелоны стоят, прикрытые срубленными березами и тоненькими ёлками. Над ними летают фашистские самолёты и бомбят. Страшно.

Над деревней тоже летали. Но почему то не бомбили. Один раз самолёт с крестами пролетел очень низко над полем, где дети и женщины копали картошку. И все видели весёлое лицо немецкого лётчика. Он что то кричал и смеялся. Махал рукой.

По вечерам затихало уханье дальнобойных пушек. С каждым утром фронт всё ближе. Гром всё громче. Появились беженцы, старики, женщины и дети. Просили хлеба и уходили. Они не верили, что немцев остановят... А мы верили!

В сентябре мы пришли к школе. Директор и учитель физкультуры были на фронте. Нас встретили две учительницы — Галина Тимофеевна, по русскому языку и литературы, и Вера Петровна, по немецкому.

— Ребятки, — сказали они. — Идите домой. Занятий не будет. В нашей школе будет госпиталь.

В середине сентября привезли первых раненных.

20

Зима наступила уже давно. Снег выпал ещё до праздника Покрова и больше не таял. Бабка Чижя сказала, что это Богородица постаралась, прикрыла землю, чтобы супостатам, фашистам, значит, тяжелее идти было. С тех пор намело сугробы в полях и лесах. Последние две недели ударил мороз. Ночью до 40 градусов доходило. Деревенские печи топили утром и вечером. Дымы в небо уходили столбами. Примета точная — к морозам.

Каменку сковало льдом. Но никто не выходил, не рубил проруби, как раньше. Заветовские мужики рыбу не удили, а женщины бельё не полоскали. Мы иногда выходили на лёд, на самодельных коньках покататься. Теперь нас не пускают. Боятся самолётов.

Дорогу от станции днём протаптывали беженцы, а за ночь опять заметало. То ли из за морозов, то ли из за войны, за крыли магазин, почту и библиотеку. И мы целый день проводили в штабе. Затыкали дыры соломой, чистили от снега площадку у ворот. Когда мороз становился невыносимым, бежали в кузню. Кузнец Харитон записался добровольцем и ушёл на фронт. Пашка поддерживал огонь в кузне и пытался чтонибудь выковать. Гвозди у него уже получались.

В кузне было тепло. Огонь из открытого очага освещал наши и без того красные рожицы. Отбрасывал пляшущие тени на закопченные стены. Грыз угольные камни. На огне мы жарили картошку, сало. Кузня наполнялась аппетитными запахами. Мы усаживались на длинный топчан у стены, угоща

лись. И нам казалось, что за этими бревенчатыми стенами нет больше ничего — ни мира, ни войны, ни горя, ни надежды. Только мы остались. Сидим в кузнице, а она мчится сквозь метель и время. Неведомо куда. Уходить не хотелось. И в эти мгновения мы завидовали Пашке — ему то уж точно не надо никуда уходить.

— Пора домой, — первой говорила Кука и начинала укутываться в шаль, шубку, шапку.

Выходили в зиму. Заканчивался ноябрь.

22

Без Харитона стало тоскливо. Опять навалилось одиночество. Плохо одному. Особенно вечерами и ночью. С Харитоним они, бывало, ужинали ещё засветло. Потом насыпали ведро угля в топку и ложились на длинный деревянный топчан, покрытый соломой, укрытой овчинным тулупом и Пашкиной фуфайкой. Харитон укладывал Пашку, потом долго кряхтел, ворочался, пристраивался поудобнее. И начинал неизменно:

— Ну, Павел, слушай сегодня про того, кто в омуте живёт! И рассказывал Пашке очередную сказку, которые сам же и сочинял. Плохо было без Харитона. Без его хриплого голоса в тёмной кузне, рассказывавшего про того, кто в омуте живёт. И сбежал бы Пашка в Москву или на фронт. Но, уходя, Харитон наказал:

23

— Вот тут, Павел, всё моё богатство, — Харитон вытащил из угла железный сундучок. — Здесь облигации, государственные, не на одну тыщу. Здесь бумага на кузню. Квитанции на налог. Метрика моя и фотки. Тебе оставляю, на хранение. Береги кузню, не дай огню погаснуть. А разобьём гада, вернусь. И заживём мы с тобой. Фамилию мою возьмёшь. Кремень, оно, конечно, тоже неплохо, а моя фамилия знатная — Кузнецов. По профессии, значит. Вот и ты будешь Павел Кузнецов. Павел Харитонович. А!

Пашка допил остатки молока с куском хлеба. Насыпал полведра угля в очаг. Поворошил кочергой. Синее пламя заиграло на углях, подсветило дымоход. Пашка улёгся на топчан. За стеной завывал ветер. Крутила позёмка, заметала военные тропы. Ребята только ушли. Он чувствовал, что уходят с неохотой. Но у них дома мамы, дедушки и бабушки. А у него никого.

— Один, как перст, — говорила тётка Поля в детдоме, жалючи.

Сирот жалела, а хлеб таскала. У неё своих было пятеро, а мужа посадили. Её тоже посадили. А детей отдали в детдом. Теперь у них хлеб общий с сиротами...

Внезапно в морозный гул вплелись посторонние звуки.

Пашка прислушался. В деревне залаяли собаки. А шуршание и скрип на улице усилились.

Пашка натянул фуфайку, прихватил шлем и выскочил за дверь. Через деревню проходили войска. Шла в основном пехота. Солдаты кутались в шинели и бушлаты. На многих были сапоги. Время от времени проезжали полуторки с прицепленными пушками. Машины скудно светили фарами, высвечивая углы домов, деревья, хмурые лица. За ними тянулись обозы. Почти на каждой телеге — по трое пятеро раненных. Ходячие шли рядом, уцепившись за края. Шли молча, опустив головы.

Пашка подошёл к деревенским, кучкой стоящим у восточной окраины, куда уходили войска.

— Надолго ли, сынки? — громко спросил древний дед Василий.

Никто не отвечал. Молча проходили и исчезали в метельной тьме. И только в конце колонны, кто-то остановился.

— Ненадолго, батя. Последний рубеж обороны займём, с силами соберёмся и погоним фашистов. До самого Берлина!

— А ты сам кто будешь? — спросил дед.

— Я, батя, полковой комиссар. Нестеров моя фамилия.

А тебя, батя, как величать?

— Да меня кто по простому. Дед Василий и всё тут.

Дед Василий снял шапку и помахал комиссару, ушедшему в ночь.

— Помогай вам Бог, — тихо сказал дед Василий.

Пашка почувствовал, как кто-то потянул его за длинный рукав фуфайки. Обернулся. Валька.

— Пашка, пойдём к нам ночевать. Чего ты один будешь.

Как ни хотелось Пашке пойти с Кукой, забраться на просторную, тёплую печь, пахнущую хлебной опарой, но пересилил себя.

— Не, Кука. Не могу кузню оставить. Харитон наказывал беречь. А ты утром приходи.

Народ расходился. Пашка побежал под горку.

В эту ночь Пашка впервые запер дверь изнутри.

24

25

Колька не спал. Ворочался на жаркой печи с близняшками. Ковырял сучки в досках потолка. От жара усилились запахи заготовленных ещё летом бабушкиных трав. От старого тулупа несло овчиной. Разболелась голова. Отец сам не выходил и никого не пустил из дома, когда ночью проходили войска.

— Эка невидаль, от самого Буга топают. Чего на них смо

треть, — ворчал он.

Отец сел у стола и закурил, пуская густые клубы сизого дыма к потолку. Ни свечи, ни керосиновой лампы не зажигали. В темноте избы светился огонёк самокрутки, освещая лица отца и матери, сидящих за столом друг перед другом.

— Что делать то? — в отчаянии спросила мать.

— А ничего! — ответил отец. — Куда нам в беженцы!

С детьми и бабкой. Ничего, какнибудь приспособимся. Немцы хоть и лютуют, а всё ж таки люди.

Колька даже дышать перестал. И как только отец такое выговорил? Приспособиться! К немцам! К врагам! Ему стало стыдно за него. Хотелось встать, крикнуть прямо в лицо: "Ни когда! Их бить надо! Юрка на фронте. Все на фронте. Все с врагом бьются. А ты — приспособиться! И они — не люди! Звери! Хуже зверей!".

Колька уткнулся в подушку. Сжал свои кулачки.

Отец так больше и не ложился. Ходил у окна, сидел у стола. И всё курил. Колька тоже не спал. Только под утро провалился в тяжёлый, тревожный сон. Снилось раненая лошадь. Она скакала по полю. Колька бежал за ней и никак не мог догнать. А на краю поля стоял старший брат Юрка и что то кричал, но Колька не мог понять что.

Проснулся от странного треска. Не сразу понял, что это.

Отец подскочил к заиндевевшему окну, задёрнул занавески. Треск — выстрелы автоматов. Близко грохнул взрыв. Изба качнулась. Опять взрыв. Ещё и ещё. Проснулись близнецы и заплакали.

Колька кубарем слетел с печки. Кинулся к окну. Отец перехватил его. Крепко сжал плечи и усадил на скамью в простенок.

— Ты что, шельмец! — зашипел отец. — Угодит пуля в окно, убьёт! Что мы с матерью делать будем? Сиди и не рыпайся. А сам пошёл к окну, приоткрыл занавеску.

— Ну вот! Дождались. Новая власть пожаловала, язвы её душу!

Колька изловчился и выглянул из под руки отца. На улице, у дома сельсовета, стояла группа высоких людей в невиданной форме мышинового цвета, с нахлобученными высокими пилотками с опущенными боками. На шее висели автоматы. Один из них рвал красный флаг на полоски. Это почему то здорово веселило их.

Подъехал грузовик, раскрашенный белыми пятнами.

Из кузова посыпались солдаты. Они приседали и прыгали на месте, разминали ноги.

Бесшумно подкатила блестящая чёрная легковушка.

Из неё вышли два офицера в чёрных шинелях и высоких фу

ражках. Солдаты быстро построились. Они выслушали офицера, разделились на группы и побежали по деревне.

— Мать, — сказал отец. — Спрячь ка детей, на всякий случай.

— Господи! — воскликнула мама. — Да куда ж я их спрячу? В подполе холодина, замёрзнут.

27

— На кухне, за печь спрячь, корытом да тряпьём прикрой. Мать стащила с печки близнецов, Ваньку и Марьку, загнала за печь. Велела сидеть тихо. Как мышки! Всунула в щель жестяное корыто и накидала половиков.

Колька за печь не полез.

— Что я маленький, что ли?

— Не ерепенься! — прикрикнул отец. — На печь полезай.

В этот момент в сенях загремели шаги. Дверь распахнулась, впуская в дом клубы морозного тумана. Вошли двое солдат. Один сразу подошёл к столу, взял из миски большую краюху хлеба, сунул за пазуху. Заглянул в чугунок, стоявший в топке. Пустой. Выругался, словно пёс пролаял. Скинул чугунок на пол. Второй сорвал с вешалки отцовский полушубок, кинул к ногам отца.

— Давай! Давай! — закричал он. — Шнель! Улица! Шнель! Шнель!

Он прошёл в избу и стал подталкивать прикладом автомата в спины отца, мать, бабуку. И тут он заметил Кольку. Встал на скамью и стащил Чиж за шиворот, подтолкнул к двери.

28

29

Валька хоть и не была трусихой — трусихой не пришла бы в отряд, но в это утро здорово испугалась. Выстрелов. Взрыва. Мотоциклистов немецких. Станных пятнистых машин. И самих фашистов. Когда солдаты вошли в их дом, мать схватила дочь и спрятала за себя. Один из солдат прямо в шинели и сапогах повалился на мамину постель. Покачался на скрипучих пружинах. Сделал вид, что заснул. Притворно захрапел. Второй что то сказал и они заржали. Именно заржали. Громко и отрывисто. Потом тот, который валялся на постели, подошёл к маме, отодвинул её и схватил Вальку за подбородок.

— Улю лю, — сказал он и опять захохотал.

Валька вырвалась и спряталась за мать.

— Бите, фрау, — сказал немец. — Пшёл, сбор, на сбор.

Мама торопливо оделась. Хотела увести Вальку за занавеску, но немец крикнул:

— Хальт! — и толкнул Вальку обратно. — На сбор!

Валька оделась, и они вышли.

Со всей деревни выгоняли людей. Всех. Стариков, детей,

женщин. Раза четыре звучали автоматные очереди. Стреляли в собак, рвущихся с цепей.

Сгоняли народ на площадь перед сельсоветом, над которым уже развивался чёрный флаг с пауком-свастикой.

Валька огляделась. Вот Чиж с родителями и бабкой. С другой стороны шёл Заяц с дедом и бабушкой. Дед у Игоря болел лёгкими, ослаб. Шёл тяжело, опираясь на палку.

На площади уже стоял Сорока с матерью и девчонками. Что-то Кремня не видно. Валька подошла ко мне.

— Галич, ты Пашку не видел? — спросила она.

— Нет.

Она беспокойно озиралась по сторонам.

Я тоже, почему-то заволновался за Пашку.

По площади ходил офицер. Стегал себя хлыстиком. Время от времени подзывал к себе солдат и что-то шептал им. Солдаты подходили к толпе и вывозили по одному людей. Их собирали отдельно. В основном ещё не очень старых мужиков и молодых парней.

Наконец, офицер взошёл на крыльцо. К нему поднялся ещё один. Длинный и худющий немец в очках. Из дома вышел маленький, очень толстый фашист.

На его красном обвислом лице, на носу смешно сидели очки с пружинкой — пенсне.

«Наверно, это и есть самый главный у них, — подумала

Валька. — Стоят, как клоуны: длинный и худой, маленький и толстый и средний».

Толстый офицер снял пенсне, потёр переносицу, щурясь, оглядел толпу. Что-то сказал среднему. Тот хмыкнул. Затем толстый нацепил пенсне и начал говорить.

— Жители деревни, — громко переводили худой с лёгким акцентом. — Доблестная немецкая армия пришла освободить вас от большевистского зараза. Мы даём вам свободу. Мы даём вам работу на великой Германии и за это мы даём вам хлеб. Уже скоро доблестная немецкая армия придёт в Москва. Жители деревни! Мы просим вас проявить лояльность и снабдить доблестную немецкую армию продовольством.

вием. Хлеб, кура, корова, свинья, сало и другой продукты подлежат добровольно сдача. За уклонение и укрывательство будет расстрел! Германское командование будет платить марки. Работать на великий Германия — ваш долг!

— Эта группа! — продолжил он, указывая рукой на стоявших отдельно мужчин. — Эта группа берёт лопата и чистит поле. Расходись!

К месту, где стояли бабушка, дед, Игорь и Валька, быстро подошёл солдат. Ногой выбил палку из рук деда. Дед упал на снег и зашёлся кашлем. Солдат схватил Игоря за руку и отвёл к группе мужчин.

Валька подскочила к деду и помогла ему подняться.

Мы расходились. Игорь с мужиками пошли за лопатами.

За ними следили около десятка фашистов. Валька с матерью увели деда домой. Следом семенила бабушка. Пашки по прежнему не было видно.

31

32

Когда этот рыжий, какой то бесцветный, безбровый фашист схватил Игоря за руку, первым желанием было вырваться и укубить этого гада. Бить, царапать, пинать... Но Игорь пересилил себя — слишком силы неравны. «Подожди те, — думал он, — придёт наше время, вы ещё узнаете про юных истребителей. Ты — первый мой враг».

Злой блеск в глазах Игоря заметил дед Степан. Он прижал его к себе.

— Тихо парень, не шебуршись! Пальнут, и мамку больше не увидишь.

Их повели вдоль деревни. Солдаты заходили во дворы и забирали лопаты и самодельные скребки из фанеры. Игорю тоже вручили деревянную лопату.

За деревней их выгнали на картофельное поле и заставили счищать снег почти до земли.

— Они что — издеваются? — негромко сказал Иван Юрьевич, пожилой учитель математики. — Для чего поле чистить? Бессмысленное занятие. Завтра всё опять занесёт.

— А ты, Юрьевич, чисти лучше, — проворчал дед Степан. — Вот почистим, заставят брюкву сажать. Немец брюкву любит.

Мужики несмелыми смешками одобрили дедовскую шутку. Работа пошла веселее. Игорь махал лопатой наравне со взрослыми. Снег был рыхлый, лёгкий. Приноровились грести валом: нагребут горкой и дальше откидывают.

Остановившись на минутный отдых, Игорь огляделся.

По краю поля у дороги цепочкой стояли немцы. С двух сторон темнел лес. Дальше поле полого уходило вниз, к Каменке. «Зачем всё таки, заставили поле чистить? — думал

Игорь. — Надо будет проследить. А вдруг тут аэродром будет? Точно! Потому и снег чистим, чтобы самолёты садись». Игорь обрадовался своей догадке.

Сказать кому? Эх, нашим бы передать...

Когда большую часть поля расчистили, подъехали два крытых брезентом грузовика. Из кузова одного вылезли пятеро солдат в тёплых полушубках и шапках. Охранники побежали на поле и стали сгонять деревенских в сторону дороги.

— Шнель! Шнель! Цурюк! — кричали они непонятные слова и били по спинам прикладами.

Один из приехавших подошёл и сказал на русском языке:

— Расходитесь по домам! На поле больше не суйтесь!

Здесь будет минное поле. И бабам своим скажите. Чего стоите? Бегом!

Мужики и Игорь побежали в сторону деревни.

— Смотрите! — закричал Иван Юрьевич. — Горит что то!

— Похоже, старую конюшню запалили, — сказал Иван Макарович, колхозный бухгалтер.

— Точно! — подтвердил Иван Юрьевич. — И кузню Харитона.

«Там же Пашка Кремень!» — мелькнула мысль у Игоря.

Через мгновение он уже бежал по краю деревни, по огородам в сторону кузни.

Огромный столб чёрного, жирного дыма тянулся к небу.

В клубках копоти мелькали ярко красные языки пламени.

Старая, прокопченная, набитая углём кузня полыхала, словно гигантский факел. Тепло от пожара чувствовалось с двухсот метров. Ближе подбежать было нельзя. Вокруг стояли фашисты. У одного был огнемёт — трубка со шлангом, на конце которой горел фитиль. Забавы ради он время от времени пускал огненную струю в сторону полыхавшей кузницы. Солдаты смеялись.

Игорь стоял в стороне, сжимал кулаки и смахивал слёзы.

Там, в пожаре, был Пашка. Они сожгли Пашку. Сгорел Кремень! Исчез в огне маленький герой, командир отряда "Юных истребителей".

А недалеко догорала старая конюшня. Их штаб!

— Кремень, мы отомстим за тебя! — шептал Игорь Зайцев, по прозвищу Заяц.

34

35

С утра разболелся зуб. Не думал, что так может болеть. Как то отец три дня зубом маялся. Держался за щеку. Сердился на всех и на всё. Прикладывал чеснок, полоскал водкой. Грел горячей картошкой. Стонал и ругался. На четвёртый день не выдержал, хлопнул по столу ладонью, зыркнул сумасшедшими глазами, и поехал в Подольск. Вечером приехал с подарками.

Счастливая улыбка не слезала с его лица. Показывал чёрный вырванный зуб, завернутый в бумажку, и говорил: «Вот он, чертяга. Такая мелочь, а столько неприятностей причиняет». Теперь я его понимаю.

Мать заварила шалфей. Полощу, полощу, не помогает. Днём боль усилилась. Особенно на улице. Меня била дрожь. Когда вернулись с площади, в дом нас не пустил немецкий солдат. Он наставил на нас автомат и кричал:

— Марш! Марш!

— Да как же? — спрашивала мама. — Куда же нам?

Немец что то кричал и размахивал автоматом.

На крик вышел немецкий офицер без шинели. В чёрном мундире с двумя крестами на груди.

— Герр Тищенко! — крикнул он.

На зов выскочил Тищенко. Дядя Витя. Наш колхозный ветеринар. Он вытянулся перед офицером и рывкнул:

— Я здесь, обер лейтенант!

Офицер молча показал на нас пальцем и ушёл в дом, откуда доносились звуки песни на чужом языке.

— Виктор Петрович, — мама даже обрадовалась. — Дядя Витя, что же это? А нам что делать?

— Ты, Галкина, не вознижай. И я тебе не дядя! У тебя муж в Красной Армии. Скажи спасибо, что не арестовали. А хату твою под построй выделили. Господам офицерам. А вы пока, в баньке перекантуйтесь. Война закончится, для вас бараки построят. Будете жить и работать на великую Германию.

— А ты, стало быть, в услужение пошёл великой, этой самой Германии! — сказала мама. — В холопы, значит.

— Но но! Ты, Галкина, не зазнавайся! Знаем, кто ты есть. Жена командира.

— А не боишься? Завтра наши вернутся, вздёрнут тебя, как собаку, как предателя.

— Но но! Ещё слово, и велю тебя в комендатуру, саму вздёрнут. Убирайся со своим щенком. Не сегодня завтра Москва падёт. Кончилась ваша власть! По хорошему прошу, уйди. Вечером сможешь вещи забрать. В бане печка есть, не замёрзнете. Тищенко повернулся и зашёл в дом. Солдат наставил автомат и скомандовал:

— Марш! Марш!

— Пошли сынок. Это ж надо, кто бы мог подумать! Дядя Витя — и предатель!

Я не мог говорить и только промычал. Старался мычать гневно. И тут я увидел дым.

— Мам! — воскликнул я и позабыл про зубную боль. — Мам, смотри, кузня горит! Там же Пашка!

Я побежал по улице к месту пожара.

— Ваня! Сынок! — слышал маму вдогонку. — Вернись!
На дороге стояли немцы. Кто то из них кинулся наперерез.
— Хальт! — крикнул здоровый, просто огромный фашистский солдат. Он выбежал на середину дороги и наставил автомат.
Я не испугался, бросился в сторону. Раздалась автоматная очередь. Тра та та та! И я упал...

37

Лежал и проверял себя. Голова, руки, ноги, грудь. Всё цело! Промахнулся? Или стрелял не в меня? Наверно, поверху. Я поднял голову, осмотрелся. С одной стороны бежала мама, с другой немец. Фашист добежал первый. Оттолкнул подбежавшую маму.

Моя бедная мама, в лице — ни кровинки, в глазах ужас. Чтобы не закричать, закусил край сбившегося платка. Села на снег и беззвучно заплакала.

Фашист поднял меня, сильно встряхнул.

— Партизан? — спросил немец и засмеялся. Подошедшие солдаты тоже загоготали. Тыча в меня пальцами, прямо закатывались от смеха.

— Партизан! Партизан! Паф! Паф!

И тут я увидел в отдалении Чиж, Куку и Сороку.

— Айне кляйне партизан, — закричал немец под общий хохот и с силой швырнул меня в сугроб.

Слетела шапка и левый валенок. Я больно ударился спиной о слежавшийся снег. Не мог дышать. Хрипел.

— Ваня, — услышал я голос Куки. — Ты живой? Ты не ранен? Сорока и Чиж подняли меня, надели валенок. Разыскали шапку. Я ничего не чувствовал. Ни страха, ни боли. В гудящей голове сидела только одна мысль: «Убью! Достану оружие и убью гада!».

38

39

Когда раздалась автоматная очередь, и Галич упал, Кука вскрикнула.

— Галича убили, — прошептала Валька, побледнела и села прямо в сугроб.

Мишка не мог поверить, что вот так просто, ни за что, можно застрелить человека. Он сделал шаг, но Колька крепко схватил его за плечи.

— Стой! — сказал Чиж. — Не ходи, а то нас тоже убьют! Валька вскочила.

— Там Ваня! — сказала она.

В это время здоровый немец поднял Галича, потряс и бросил в сугроб.

Фашисты ушли. Ребята побежали к Галичу.

— Ваня, — позвала Кука. — Ты живой? Ты не ранен?

Мишка и Колька подняли меня. Стоял пошатываясь, и мы чал. Мишка отряхнул шапку и надел на меня.

— Может, тебя домой отвести? — спросила Кука.

— Нет! — твёрдо сказал Галич. — Надо идти к Пашке и штабу.

— Ваня! — закричала мама, обхватила и прижала к себе. — Не пущу, никуда больше не пущу.

— Кузня и штаб сгорели, — сказал Мишка.

— Идём — повторил Галич. Его голос звучал так твёрдо, что мама выпустила сына и покорно пошла следом.

Уже смеркалось, когда ребята добрались до места пожара. Опять повалил снег. Кузня ещё горела. Вернее, догорал деревянный сруб. То, что раньше было нутром кузни, чадило и шипело. Куча угля раскалилась добела. Там вспыхивали ярко синие молнии. Сам очаг кузни, где дядя Харитон "грел" металл, сделанный из огнеупорного кирпича, не пострадал. Только почернел.

— Чего смотреть, — сказал Мишка. — Нету Пашки. Пошли отсюда.

Ребята поднялись по косогору к сгоревшей конюшне.

От дощатого и полусгнившего строения ничего не осталось.

Дымились головешки и дотлевала сваянная солома.

— И штаба нету, — сказал Мишка.

Ребята проводили Ваню с мамой до ворот, стали прощаться.

— Вы куда? — спросила Валька, удивлённая, что мать провела Ваню мимо дома.

— А нас выселили, — грустно ответила мама. — Мы теперь в бане живём.

Мишка встрепенулся.

— Айдайте к нам! — воскликнул он. — У нас дом большой и комната пустая.

Мама остановилась.

— Нет, Миша, — сказала она. — Думаю, что и у вас немцы поселились. Бегите по домам, а то, небось, потеряли вас.

Мишка шёл домой, проводив Куку. Снег падал крупно, сочно, отвесно. Через пару метров не было видно ничего. Странное ощущение не покидало Сороку. Только подходя к дому, понял: собаки не лают. Почти всех перебили фашисты. Да и деревня будто вымерла. Ни огонька, ни шума. Мать ждала на крыльце, кутаясь в старенький пуховый платок.

— Где тебя леший носит! — накинулась на Мишку. — Иди в кладовку, в горнице немцы спят.

Небольшая летняя кладовка не отапливалась. Было холодно. Сестрички, укутанные в пальтишки и платки, спали под старым одеялом на мучном ящике, сколоченным ещё дедом.

40

На полочке горела свеча. Посреди кладовки, в ведре, уста

новленном на три кирпича, мать жгла тонкие поленья. Не большое пламя не могло согреть кладовку, но и морозно не было. Мать протянула Мишке кусок хлеба и две испеченные в этом же ведре картофелины.

— Поешь и ложись. Я тебе на скамье постелила. Отцовским ватником укройся.

— Мам, — спросил Мишка. — А ты где спать будешь?

— А я, сынок, у огня подежурю. А то замёрзнем. Или, не дай Бог, загоримся...

Закончился первый зимний день. Первый день оккупации.

41

42

Игорь проснулся рано. За окном было темно. На улице шуршало и шелестело. Где-то билась оторвавшаяся доска. Ветру было всё равно: война, бои, смерти, фашисты... Он गया себе весело снежную позёмку, стучался в окна, игрался проводами, гнал мороз в щели.

В их доме тоже поселились немцы. Два офицера. Весь вечер они играли в карты, курили вонючие сигареты, пили вино из большой бутылки.

Деда с бабушкой и Игоря не стали выгонять, а определили им место за дощатой перегородкой, в углу, за печкой. Здесь родители хранили образцы зерна в холщовых мешочках.

Весь вечер немцы гоняли бабушку.

— Бабка! — кричали они. — Кьюшать! Яйки, хлеба, сало.

Капюста. О! Капюста. Гуд! Будешь гуд арбайтен, немецкий командований тебе сало! Не будешь арбайтен, сено! И пиф паф!

Наставляли на бабку пистолет. Она крестилась и пряталась на кухне. Фашисты гоготали, и опять заводили своё: гуд арбайтен, сало, нихт арбайтен, сено.

Когда немцы улеглись спать на кроватях в комнате, бабушка притащила и бросила на пол дедов тулуп и Игорев полушубок.

— Ложитесь, — сказала она шёпотом. — Я сейчас лампу прикручу. Как бы дом не спалили, ироды. И откуда такие не

христи на земле появляются! Неужто и матери у них есть?

Нет, должно быть, их собаки растят.

Ночью Игорь просыпался. В углу тихо плакала бабушка.

Баба Нина. Плакала и молилась. Дед Антон ворочался и вздыхал. Лежал молча.

Проснулся Игорь от острого чувства голода. Вечером баба Нина сунула им с дедом кусочек сала и маленький ломоть хлеба. Дед пожевал сало, а остальное отдал внуку. Но что это для Игоря, на один зубок.

Игорь хотел встать и тихонько пробраться к столу, где лежали остатки вчерашнего чужого ужина. И уже приподнялся

на руках, как вдруг, в дверь забарабанили. Офицеры проснулись, и стали что-то кричать.

Игорь, через щель между перегородкой и печкой увидел вошедшего солдата. Тот коротко что-то сказал. Офицеры быстро стали одеваться.

— Бабка! — закричал один из них. — Делай кюшаты!

Они выскочили, хлопнув дверью. Игорь встал и посмотрел в окно. Немцы куда-то спешили.

"Эх! — думал Игорь. — Сейчас бы пулемёт, да как дать очередь по гадам. Интересно, куда их позвали?"

— Мужики! — позвала баба Нина. — Идите, поешьте.

Игорь проглотил варёное яйцо, краюху хлеба прихватил с собой, быстро оделся и выбежал во двор.

Немцы толпились у сельсовета. Площадка была забита мотоциклами и грузовиками. Что-то происходило. В дом часто забегали и выбегали солдаты. Они тут же садились на мотоциклы или в машины и уезжали.

— Тебя, кажись, Зайцем кличут?

Игорь вздрогнул и обернулся. На тропинке стоял древний дед Василий. Опёрся на палку-посох, глаз — хитрый.

— Скажу, на зайца ты вроде не похож. Заяц он что? Трусишка серый. Всего боится. Известное дело, махонький, всяк съест норовит.

— Дедушка, у меня фамилия Зайцев. Потому и... а я не трус!

44

— Кто же говорит, что трус, — подтвердил дед Василий. — Вижу, что не трус. За немцем следишь. Видал, какой переполюх. От нашего мороза у них танки не заводятся. И солдатики мёрзнут. Грузовиками помороженных в тыл везут.

— Дедушка, а ты откуда знаешь? — спросил Игорь.

— Я на свете сто лет живу, всё знаю. Я повадки этих гансов фрицев ещё в Первую мировую выяснил. Где танки? Нетуть! Стало быть, смёрзлись. И то — не лезь на землю русскую!

— Эй, вы! — закричал подошедший Тищенко. — А ну, марш по домам. Сейчас немцы по дворам пойдут, продольствие и керосин собирать.

— Ты, Витька, на меня не шуми. Молод ещё, — сказал дед Василий и сердито стукнул своим посохом по замёрзшей земле.

Игорь повернулся и побежал. Но, свернув за угол, перепрыгнул через невысокий забор Чижовых и, взобравшись на крыльцо, постучал в дверь.

45

46

Дверь открыл Чиж. Молча схватил Игоря за рукав и пота

щил в боковую пристройку.

— Мы, теперь здесь живём. Дом фашисты отобрали, живут двое гадов. Всю посуду побили, а жрут, как лошади.

Чиж внезапно остановился, сунул руку за пазуху.

— Смотри, — заговорщицки зашептал он.

Чиж протянул руку. На ладонке лежали два патрона, блестили жёлтыми боками.

— Где взял? — спросил Игорь.

— У фашистов. У них в доме целая коробка.

— А если хватятся?

— Не хватятся. Я бы больше взял, только там осталось штук двадцать.

— Колька! — подал голос отец. — С кем ты там?

— Пошли, — Чиж потащил Игоря дальше.

— Игорь пришёл, — ответил он отцу.

В маленькой пристройке, которую срубили летом для Юрки, было тепло. В углу уютно топилась маленькая печь. По трескивали дрова, на плите кипел чугунок. Пахло сушёной морковью. На сколоченной из досок широкой скамье, укрытой огромным тулупом, лежал отец. У окна за самодельным столом, возились близнецы.

— Болеет, температурит, — пояснил Чиж. — Его немцы в одном белье выгнали на мороз, за то, что махрой в доме

47
дымил. И час в дом не пускали. Слушай! К нам сегодня утром тётя Фая приходила. Принесла письмо от Юрки. Тайком. Хочешь, прочитаю?

— Давай, — согласился Игорь.

— Игорёк, — отец приподнялся на постели. — Как дед там? Живой?

— Живой, дядь Петь. У нас тоже немцы.

— Аспиды проклятые, — отец закашлял. — Сынок, налей чайку. И сами попейте, мать морковный заварила.

Чиж налил отцу в большую кружку. Спросил Игоря: "Будешь?". Продрогший Игорь закивал головой. Чиж налил в стаканы светло жёлтого напитка.

— А нам! А нам! — заголосили близнецы.

— Будет! — прикрикнул на них Колька. Налил им в чашки. — Осторожно, горячий.

Откуда то из под подоконника Чиж достал бумажный треугольник. Развернул.

48

— Здравствуйте, мои дорогие, мама и папа, брат Колька, малыши Иван да Марья. У меня всё хорошо. Воюю, как все. Бьём проклятых фрицев, только клочья летят. Скоро будут большие события. У нас помкомвзвода ранило, назначили меня. Так что теперь я командир. Очень скучаю по дому,

по вам. Колька, ты отцу помогай во всём. На этом кончаю, передавайте приветы всем знакомым, в особенности Анне Шиловой. Скажите ей, что хочу вступить с ней в переписку. Ваш сын и брат Юрий.

— Видал! — зашептал Колька, пряча письмо. — Командир!

— Здорово, — сказал Игорь. — Чиж, Тищенко сказал сейчас, что немцы по дворам пойдут, керосин отбирать. Для танков. Вы бы прибрали чуток.

Отец сел в постели.

— Вот гады, — сказал он. — Всё гребут. Колька, сходи в избу, там, за шкафом, бидон стоит. Снеси его в хлев и в сенном ящике спрячь. Знаешь где?

— Знаю, пап.

— Я пойду, — сказал Игорь. — Мне ещё Вальку и Галича предупредить надо.

Игорь натянул шапку и ушёл.

Колька зашёл в дом, отыскал бидон и хотел уже выходить, как услышал шаги на крыльце. Чиж заметался. Куда сунуть бидон? Куда спрятаться? В последний момент залез под кровать и затих.

Скрипнула дверь, и вошли сапоги. Немецкий офицер прошёл к столу, чем-то гремел. Подошёл к кровати.

Чиж зажмурил глаза. Сердце! Его сейчас выдаст сердце.

Оно стучало в груди как барабан, фашист услышит и тогда...

Немец завалился на кровать и что-то тихо запел на своём непонятном языке. Кольке было неудобно лежать на боку.

Ему стало жарко, не хватало воздуха. А немец лежал и пел.

С улицы послышался крик. Немец встал и вышел.

Колька вылез, подскочил к окну. Во дворе стояли немцы.

Он выбежал в сени и юркнул в пристройку. Сел прямо на полу у печи.

— Ты чего? — спросил отец. — Не успел?

— Нет. Под кроватью оставил.

— Шут с ним! — заявил отец. — Не ходи туда. Не дай Бог убьют!

На крыльце и в сенях застучали шаги.

49

50

Пашка не выходил у меня из головы. Сбежал или сгорел наш Кремень, наш командир?

Мама ходила к немцам. Выпросила немного картошки и капусты. Гады. Жрут нашу картошку и капусту, а маме приходится унижаться, выпрашивать. Варила на банной печке щи.

— Мам, не проси больше! — в сердцах сказал я.

— Да! — воскликнула мама. — А есть ты лапти будешь?

Вон они, в предбаннике, ещё дедовы. Умный больно, погля

жу. Вчера уже доумничался. Чуть вся не поседела! Чего под пули лез?

Мама схватила тряпку и с силой шмякнула по скамье.

— Не смей! Больше, чтобы из дома ни ногой! — и заплакала, без сил опустилась на ту же скамью.

Сидел у маленького оконца и ждал. Вдруг кто из ребят придёт? Окошко баньки выходило в огород и ничего, кроме дощатого забора, видно не было. А в деревне что то происходило. Я чувствовал. И слышал разные звуки. Треск мотоциклетов, пронесившихся мимо, дающие выкрики немцев. Иногда короткие автоматные очереди.

Дверь с грохотом распахнулась, вошёл немецкий солдат. Приглядываясь в полумраке бани, водил дулом автомата. Пнул ведро с водой, стоявшее у входа. Выругался.

— Руссишь швайн!

51

Грубо схватил маму за руку и вытолкнул в предбанник.

— Шнель, шнель! — кричал он.

— Сынок, щи с печки сними, поешь! — крикнула мама и, накинув полушубок, пошла по протоптанной в снегу тропинке, подталкиваемая фашистом.

Мама и серая шинель фашиста скрылись. Хотел бежать следом. Остался. Куда её повели? Может, просто что то пока зать? И скоро вернётся?

Я взял тряпку, снял котелок с печки. Разве мог я есть? Нет.

Дождусь маму, вместе поедем.

Дверь распахнулась, и вошёл Тищенко. Деловито сел на скамью. Потянул носом.

— Щами пахнет. Богато живёте.

Я молчал. Залез на полати.

— Ладно, — сказал Тищенко. — Не я это. Понял? Не я! Кто то другой сдал вас, что отец твой, командир Красной Армии.

52

Мамку твою, в комендатуру забрали. Скоро не жди. А то и вовсе в Германию отправят, на работы. Тебе лучше схвататься у когонибудь. Меня твой папаша никогда не обижал. Вот и я, к вам, по доброму.

Хотел сказать ему, что всё равно он — предатель!

— Ты меня не суди, потому как ты многого не знаешь.

Мал ты ещё. А у меня пятеро таких, как ты. Им папка живой нужен, потому как никто больше не позаботится о них.

Я хоть у немцев служу, а в плохом, не замешан. Ладно, пойду я.

Тищенко встал и открыл дверь. Обернулся.

— Не теряй времени, уходи! Не то и тебя, в Германию...

Тищенко махнул рукой и ушёл.

За окошком стемнело. Пошёл снег. Валил крупными ват

ными хлопьями. Сыпал на тропинку, на баньку, на деревню, на этот мир, который стал для меня страшным и безлюдным. Где то там, за границей этого мира, мама.

В Германию? Почему в Германию? Что мы будем делать там? Мне не хотелось никуда уходить. А вдруг вернётся мама? А меня нет? Мама! Что мне делать?

В дверь кто то скрёбся. Приоткрыл и проскользнул.

— Заяц? — удивился и обрадовался я товарищу, засыпанному снегом.

— Галич, — Игорь стоял в дверях, привыкая к полумраку. — Немцы сейчас по дворам пойдут.

— У нас уже были. Маму забрали. Тищенко сказал, что в комендатуру. А то и в Германию. Мне велел уходить.

— Гад он, этот Тищенко. Сам, небось, и донёс, — убеждённо сказал Игорь.

Я чувствовал, как слёзы предательски заполняли глаза.

Я вдруг ощутил себя маленьким, беспомощным. Отвернулся, чтобы наш начальник штаба не заметил мою слабость. А он и не заметил. Темновато в баньке.

— Думаю, тебе действительно нужно спрятаться. На всякий случай.

— А если мама вернётся?

— Тогда и ты вернёшься, — резонно заметил Игорь. — Куда бы тебя спрятать? К Макарихе. Точно, к Макарихе. У нее одной немцев нет. Одевайся!

Почти в каждой деревне была своя Макариха. Древняя, скрюченная, полуслепая столетняя бабка. Если не Баба Яга, то уж сестра её младшая верно. С бородавками на носу. Жила одинокой отшельницей в покосившейся избе развалюхе, где всё пространство занимала большая русская печь с лежанкой. Во всех щелях и углах понатыканы пучки трав. На деревне ею детей пугают, и все детей к ней лечиться водят. И вылечивает, от грудной жабы до икоты.

— К Макарихе не пойду! — неуверенно сказал я.

— А куда? — вдруг рассердился Игорь. — В лес, что ли? Одевайся!

— Мама щей наварила, — сказал я и кивнул на котелок.

— С собой заберём. Там поедим.

Снег перестал, но серо чёрные тучи всё клубились над деревней, над лесом, сохраняя полумрак.

53

С котелком в руках идти было неудобно. Шли задами, пролезая в дыры в оградах, передавая друг другу котелок. Пря

тались от проходящего патруля за невысокими ещё сугробами на огородах.

Мы не успели постучаться, как Макариха распахнула перекосившуюся дверь. Молча впустила нас в дом. Забрала у меня котелок, поставила в печь. Самодельная деревянная кровать, небольшой дощатый стол у окна и простая скамья — вся мебель.

Макариха занавесила окно, запалила лучину. Сняла с нас ватники, усадила на скамью. Всё молча. Достала щи и деревянные ложки. Развернула тряпицу и отрезала по ломтю хлеба. Оказывается, я здорово проголодался. Ели, стучали ложками.

— Оба останетесь? — спросила Макариха скрипучим голосом.

— Нет, — за обоих ответил Игорь. — Только Ванька. У него мать забрали. Ему нельзя дома оставаться.

Макариха кивнула. Достала старый прокопченный медный чайник. Насыпала разных трав и поставила в печь.

— Ещё кого то Бог несёт, — сказала вдруг она и перекрестилась.

Мы переглянулись. Кроме шелеста несильного ветра мы ничего не слышали.

Макариха распахнула дверь и в избу ввалилась Кука.

— Ой! — сказала она.

— Кука? — вместе удивились мы.

Макариха захлопнула дверь.

— Я вас увидела и за вами... — тихо сказала Кука.

— Проходи, коли так, — сказала Макариха и стала помогать Вале раздеваться.

— Ещё кто придёт? — спросила Макариха. — Али всё?

Ишь, шпана заветная.

Мы переглянулись и захихикали. Здорово Макариха про нас сказала: шпана заветная.

Налила в чашки варево.

54

— Пейте!

Я попробовал. Вкусно.

— Кисель? — спросил я.

— Сбитень это, с травками.

Мы пили сбитень, обжигаясь и посмеиваясь над недавними страхами перед Макарихой. Которая оказалась обыкновенной старушкой. И даже очень доброй. Только одинокой. И никто в деревне не знал про неё ничего. Была ли у неё семья, были ли дети? Колдунья, и всё тут!

— Отряд "Юные мстители"! — вдруг ни с того ни с сего сказала Кука. — Когда мстить будем?

— А как? — спросил я. — Штаб сожгли, винтовку тоже.

Заяц молчал.

— А давайте листовки напишем и расклеим, — предложила Кука.

— Дело! — сказал Заяц. — Только у нас ни бумаги, ни чернил.

Макариха шумно вздохнула, повозилась в тёмном углу и положила перед нами тоненькую тетрадку и огрызок карандаша.

Первой взялась писать Кука. Она старательно выводила печатными буквами: "Фашисты, уходите в свою Германию! Всё равно вас всех перебьём! ОЮМ".

— Что значит ОЮМ? — спросил Заяц.

Кука посмотрела на него, как на маленького.

— Отряд "Юные мстители"!

— А а, — сказал Заяц и взял карандаш. — Подожди, ведь наш отряд "Юные истребители" называется.

— Я тут подумала, — объяснила Кука, — что сокращённо ОЮИ — как то не звучит. ОЮМ лучше.

— Ладно, — сказал я. — С девчонками лучше не спорить. ОЮМ так ОЮМ.

Заяц хмыкнул.

— Хорошо! — согласился он. — Разница небольшая. Пусть будет ОЮМ. "Смерть фашистам! ОЮМ" — написал он.

Мне хотелось написать что то оригинальное. Ничего в голову

не приходило, и я написал: "Смерть фашистским гадам! Убирайтесь вон! ОЮМ".

— А на что клеить будем? — спросил я.

Макариха опять вздохнула, насыпала муки в чашку и разбавила водой.

— Точно! — обрадовался Заяц. — Клейстер. Батя так обои клеил. Не отдерёшь.

Мы вскочили и стали одеваться.

— Знаешь что! — сказал Заяц мне. — Ты, пожалуй, останься. Мы сами.

— Ты что! — возмутился я. — Я с вами!

— Останься, — твёрдо повторил Заяц. — Вдруг тебя ищут? Тебя схватят и нас заодно. Останься.

Я чуть не расплакался. Хотя понимал — он прав. Кинул шапку на пол и вернулся к столу. Игорь с Валькой поблагодарили Макариху и ушли.

Я отвернул занавеску и прильнул к мутному окну. Стемнело по зимнему рано. На фоне чёрного леса мелькнули два силуэта и исчезли. Мне было немного страшновато с Макарихой. Но вскоре мои мысли вернулись к маме и я забылся. Макариха откинула покрывало с кровати. Под ним оказа

лась неожиданно чистая постель, с пуховыми подушками и одеялом.

— Ложись, — сказала Макариха. — Я на печи сплю.

Улёгся под невесомое одеяло и незаметно уснул.

Минуло второе января. Второй день оккупации.

57

58

Шли по притихшей деревне. Ни огонька, ни собачьего лая, ни голосов. Кука несла за пазухой чашку с клейстером, Заяц листовки. Остановились возле столба, на котором до войны висел репродуктор.

— Давай клейстер и смотри по сторонам! — скомандовал Заяц.

Быстро намазал пальцем листок и наклеил на столб.

— Пошли! — опять скомандовал Заяц и потащил Куку.

Она оглянулась. Листовка нахально светлела пятном и притягивала к себе. Куку вдруг прошиб озноб.

— Ты чего трясёшься? — заметил Заяц.

— Не знаю, — ответила Кука.

Вторую листовку приклеили на ворота бывшего магазина.

К сельсовету подойти было нельзя, стояла охрана.

— Ты беги домой, — сказал Игорь. — Третью я приклею сам. На колодец.

Кука молча кивнула и свернула к дому. Дважды пришлось прятаться в тёмных кустах — проходил патруль. Шли по трое, кутались в отобранные пуховые платки. В тёмных местах старались не задерживаться. Под редкими фонарями подолгу курили. Переговаривались.

«Вояки, — думала Кука с ненавистью, — чтоб вы позамерзали. Только бы Игорь не попался».

Пока добралась, замёрзла сама. Мать ничего не сказала.

Ждала на крыльце. Приложила палец к губам: «Молчи!» По вела к лестнице, ведущую в маленькую летнюю мансарду на чердаке, которую отец когда-то соорудил для дочери по её просьбе. Очень хотелось Вальке свой уголок.

Из избы доносился шум гуляющих фашистов. Орали свои песни. Громко спорили. Пили, курили вонючие сигареты. Били посуду. Из приоткрытой двери тянуло нестерпимой вонью от скинутых сапог и нечистых тел.

Едва Валя с мамой поднялись наверх, как заскрипела дверь под чьим-то грузным телом.

Мама встревожено посмотрела на дочь и толкнула её в тёмный угол.

Вошёл солдат. Очень старый немец. Как он попал на войну, и зачем, непонятно. Сел на узкий Валин топчан, заставил сесть рядом с ним маму. Показывал фотографии, на которых бы

ли девочки, мальчики, женщины и мужчины.
Что то говорил. Ушёл. Но вскоре вернулся.
Принёс стакан водки и банку консервов с во
ткнутой вилкой. Мама выпила, поморщилась,
есть не стала. Взяла банку и поставила на по
доконник.

Довольный старый солдат схватил маму,
притянул и поцеловал в губы. Расхохотался
и ушёл.

Мама долго плевалась и вытирала рот. Захлопнула дверь
и накинула крючок. Подумав, придвинула к двери старень
кое плетёное кресло.

Всё это время Кука сидела в уголке и тряслась. От холода
и страха.

— Валь, — позвала мама.

Развернула старую душегрейку, достала кастрюльку. По
кормила ещё тёплой гороховой кашей и уложила дрожащую
дочь на топчан.

Мама шёпотом рассказала, как вчера в их дом пришли фа
шисты. Перерыли все сундуки и шкаф. Забрали единствен
ное шёлковое платье мамы, пуховые платки, вязаные носки.
Долго что то кричали, потрясая папиным костюмом со знач
ком «Ворошиловского стрелка». Когда мама, не понимая,
что они от неё хотят, протянула руку, один из немцев наот
машь ударил её по лицу. Мама не вскрикнула, замерла, вски
нув руку к щеке.

Фашисты порвали костюм, долго топтали значок. Сорвали
портрет Сталина со стены, ударили об угол стола и разорва
ли холст. Весь день грабили деревню. Уводили коров и овец.
Резали свиней и птицу. Складывали на телегу сундуки, наби
вали их женскими платьями, платками, отрезами ситца, вы
шитыми скатертями и накидками. Собирали самовары, чу
гунные утюги и сковороды. Ложки, ножи, посуду. Сливали
в бочки керосин...

Потом мама захмелела, кое как уместилась с краю. Сразу
уснула. Валя не спала, пока немцы не утихомирились и не за
храпели.

Под утро Кука проснулась от трескотни автоматных оче
редей. Где то стреляли. Где то гортанно кричали немцы.

В оконце метались неясные розоватые всполохи.

— Что то горит! — прошептала мама.

Она тоже проснулась от выстрелов.

Фашисты кричали и топали вниз. Клацали затворами
и выбегали на улицу.

— Никак сельсовет горит! — сказала мама.

Валька приникла к стеклу. По улице маячили тени. В небе висели ракеты и освещали деревню ярким светом. Бегали фашисты. Проносились мотоциклы.

Валька не выдержала и, набросив полушубок, скатилась с лестницы и выскочила на крыльцо. Точно, горел дом сельсовета, где фашисты устроили штаб.

Валька ликовала. Хотелось кричать, прыгать. Опять начали стрелять. Беспорядочно. В воздухе над Валькой тонко просвистели пули. Ударились где-то в деревья. Гулко, с коротким эхом. Валька забежала домой. Поднялась к матери.

— Горит! — шептала она. — Мам, горит! Так им и надо!

Немцы тушили свой штаб весь остаток ночи и утром.

А только рассвело, стали сгонять всех жителей на площадь.

Мама с Валею встретили Игоря, который вёл деда.

— А у вас фашисты живут? — спросил он.

— Да, — сказала Валя. — Семеро. Интересно, кто мог поджечь?

— Тихо! — предупредила мама Вальку, и покосилась на немца, шедшего сбоку.

— У Галича мать забрали, — прошептал Игорь.

— Швэген! — рявкнул немец.

Дальше пошли молча.

Народ стекался на площадь и становился кругом. В центре стояли немецкие офицеры.

— Ой, батюшки! Ах! Какой-то юм появился, — шептали женщины. — Юм этот, верно, штаб их и спалил. Вот и лютуют.

В центр круга ввели старого деда Василия босиком, в белой рубашке и кальсонах. За ним Веру, его внучку — женщину лет тридцати, тоже не одетую, в длинной рубашке-ночнушке.

От босых ног на снегу оставались мокрые следы.

Дед Василий, с разбитой губой и заплывшим левым глазом, посмотрел вокруг, перекрестился. Вера плакала.

— Поджигаль! — закричал немец в пенсне.

Дед Василий молчал.

— Поджигаль! — опять закричал немец и ударил деда в живот.

62

Дед упал. С трудом поднялся.

— Мы нашли околё твой дом! — кричал немец и поднял над головой бидон. — Ты — поджигаль! Ты — партизан!

— Это твой рука! — немец рукой с зажатой листовкой бил Веру по щекам.

Он что-то крикнул солдатам, стоявшим около деда и его внучки. Те отвели деда Василия и тётю Веру к дымившимся развалинам сельсовета. Отбежали. Выстроились в шеренгу.

— За причинение ущерба немецкой армии, — кричал немецкий переводчик. — Расстрел! Фоя!

Фашисты вскинули автоматы и выпустили пули в деда Василия и тётю Веру. Дед и внучка рухнули на снег. На белых рубахах расплзались пятна крови.

Закричали и застонали женщины. Прятали детские лица в отвороты шубеек и подолы. Потрясённая произошедшим, заплакала Валя. Обернулась к маме, уткнулась в плечо.

Немец в песне прокричал что-то ещё. Фашистские солдаты кинулись к толпе и стали выводить из неё мальчишек и девчонок старше четырнадцати, пятнадцати лет.

Чижа и Куку не тронули, а рослого Игоря выволокли, и отвели к другим. Женщины заголосили, но фашисты, расстрелявшие деда с внучкой, дали очередь над головами и люди затихли.

— Мам, — испуганно спросила Валька. — Куда их?

— Не знаю, доченька. Молчи. Молчи! — и прятала дочь за себя.

Детей оказалось немного. Жались кучкой в сторонке, тихо и жалобно смотрели на родных.

Офицер что-то сказал переводчику, тот крикнул солдатам.

Они стали выводить детей младше.

К Вале с мамой подошёл тот самый, старый солдат.

— Господин... солдат! — сказала мама. — Не надо, господин солдат. Мала она ещё! Мала!

И прятала Валю за себя.

Немец оттолкнул маму, схватил Валю за шиворот и потащил к другим. Чижа тоже привели. Фашисты стали стрелять над головами и разгонять людей.

63

Валя видела, как мама спряталась в подворотне и наблюдала за ней. Подогнали крытый грузовик.

— Шнель! Шнель! — кричали немцы и подгоняли мальчишек и девчонок прикладами и дулами автоматов.

Валя с кузова оглянулась и увидела мамины глаза. Из них капали слёзы.

Валя очутилась в середине кузова. Немцы закрыли брезент. Стало темно. Грузовик дёрнулся и поехал. Дети попадали на пол. Валя ощутила лёгкое пожатие. Игорь нашёл в темноте её руку.

— Не плач, Кука, — сказал он. — Наверно, опять везут снег чистить.

— А я не плачу, — сказала Кука. — Маму жалко.

Кто-то в глубине заплакал. Плач подхватила вторая, третья. Девчонки хлюпали, мальчишки крепились и, как могли, утешали девчонок.

— Не хочу! — закричала Валя.

Бросилась к заднему борту, схватилась за брезент. Край оказался не закреплённым. Откинула. За быстро ехавшим грузови

ком клубилась позёмка, скрывая всё, что оставалось сзади. Не раздумывая, Валя прыгнула в снежную пыль. Упала довольно удачно, но, когда инерция кинула её на спину, больно ударилась плечом. Вскочила, посмотрела по сторонам. Грузовик уехал. Стало тихо. Очень тихо. Кругом спал заснеженный лес. Сверху давили чёрно сизые тучи. Опять бил озноб. — Что теперь? Куда теперь? — спрашивала себя Кука. Никто из детей не решился прыгать, и Валя осталась одна. — Ну и пусть! Всё равно это лучше. Вот вернусь к маме, и всё будет хорошо. Валя побрела в сторону деревни. Послышался гул моторов. Валя бросилась в лес. Спряталась за разлапистой елью. По дороге из деревни проехала легковая машина, за ней бронетранспортёр и грузовик. Задний полог был открыт, и Вале показалось, что в машине, между фашистами, сидит тётя Люда, мать Галича.

65

Валя не решилась выходить на дорогу. Так и пошла лесом. Руки без варежек мёрзли, в валенки набился снег. Запахло гарью. Вышла к околице, увидела густой чёрный дым. Клубящимся столбом упирался в низкое небо. Горел дом деда Василия. Валя без сил села прямо на снег. Куда идти? — Эй, — услышала она тихий голос. Пригляделась: у низкой тёмной избы стояла бабка Макариха и манила её. Валя поднялась, и почти без сил поползла к ней. — Ой, девонька, — ворчала Макариха раздевая Вальку. — Война проклятая. За что детей то, Господи. Одеяло на кровати зашевелилось, показалась вихрастая голова. — Кука! — воскликнул Ваня.

67

— Галич, — давясь слезами, сказала Валя. — А я... Хотела сказать про маму, но промолчала. — Ой! — вскрикнула Валя, когда Макариха сдёргнула с неё платье, оставив в трусиках. — Зачем вы... вы... — Не тушуйся, девка, лез лучше к мальцу под одеяло, согрейся. Не доведи Господи, заболешь. А зовут меня Полиной. Так и зовите: баба Поля. Я тебе сейчас отвару приготовлю. Грудного. Кука всё таки заболела. Наша сестра милосердия. Уже ночью металась в бреду. Звала маму. Кричала: «Не хочу! Не хочу!». За окошком выла метель. Баба Поля готовила отвары и порошки. Ушёл в историю и третий день оккупации. Про Мишку, его маму и сестричек, забыли. Когда началась ночная беготня, фашисты выскочили из дома, даже не заглянув в кладовку. И утром про них никто не вспомнил. Не при

шли, не выгнали на площадь.

Мишка рвался, но мать не пускала. Закрывает дверь на щеколду и вышла сама. Вернулась быстро. Принесла охапку поленьев.

— Мам, — вскочил Мишка. — Давай я дров принесу.

— Сиди! Я маму Вали встретила. Забрали всех детей.

И Валю, и Игоря, и Кольку. Всех!

— А Ваньку?

— Я же говорю: всех! — сказала мама, присела и взяла меня за уши. — Ты один остался. Мишка, очень прошу, ради меня, ради папки, ради сестричек. Не ходи никуда. Заберут. Что мы делать будем?

Мама заплакала. За ней зарыдали сестрички.

— Мам, не плач. Не пойду я.

Мучился весь день. Маялся. Но ведь дал слово! Сидел в кладовке, подкладывал полешки. Не было даже оконца, чтобы выглянуть.

А на улице бегали и кричали фашисты. Доносились автоматные очереди. Гудели машины... Мать выходила ещё не сколько раз. Приносила плохие новости.

68

69

Убили деда Василия и его внука. Спалили их дом. Увезли мальчишек и девчонок. Увели коров. И их Зорьку тоже. Прямо на площади, на дереве, повесили дядю Петю. Ударил немца лопатой, жаль, не убил, только покалечил. Дом его тоже подожгли. Маму Вани Галкина и ещё трёх женщин арестовали и тоже увезли. Ограбили всю деревню, всё добро отправили на станцию на трёх грузовиках. На косогоре, возле сгоревшей старой конюшни, установили три пушки.

Были и смешные новости. Два немца, пьяные, горланили какую-то песню и тащили куда-то никелированную кровать. Эта кровать, двуспальная, огромная, привезённая из Калуги, выигранная в лотерею, — гордость Ложкиных, семейная реликвия. И немцы куда-то тащили её. Следом шла старая Ложкина и кляла супостатов. А их это только веселило. Наконец немцам надоело тащить, и они бросили кровать на обочине.

Старая Ложкина улеглась на голую сетку. Так и пролежала весь день, громко проклиная «рогатых бесов ерманцев».

Наступил вечер. Мама вздыхала и парила над огнём последние три репы, найденные в ящике с соломой. «Чем завтра кормить?» — мучил её вопрос. Когда-то полная продуктов и припасов кладовка опустошена фашистами. Немного кислой капусты на дне бочки и кусок сала, припрятанный в тёмном углу. А впереди долгая, голодная зима.

Мишка предпринял последнюю хитрость.

— Мам, мне на двор надо.

— Вон ведро стоит.

— Не могу я здесь, у меня живот схватило!

— Ах ты, горе ты моё! Одевайся! Пойду погляжу.

Мама накинула ватник и неслышно выскользнула на крыльцо.

— Иди, — зашептала она. — Только быстро.

Мишка выскочил из кладовки и затрусил к уборной. Глянул в освещённые окна дома. Фашисты сидели за столом. И странно — они не орали песни, не веселились, не играли в карты. Сидели, хмуро глядя друг на друга.

Мишка выскочил с твёрдым намерением сбежать. И только сейчас, стоя в тени уборной на морозе, осознал, что бежать не к кому. Всех увезли. Их никого нет! Из всего отряда «Юные истребители» он один. Мишка заплакал. Слёзы жгли щёки, падали льдинками.

— Миша а а, — услышал он тихий зов мамы.

Он сорвал шапку, вытер лицо. Шёл не крадучись. С ненавистью смотрел на фашистов. Ветер разносил запах пожарищ и гарь. В деревне горели несколько дворов. Чьи — не было видно. Только металась жёлтые всполохи по низким тучам. Отсвет высвечивал макушки елей и сосен. Внеурочно и тревожно кричали вороны.

«Гранату бы кинуть, чтобы враз, всех!» — думал он, глядя в окно.

Мама перехватила взгляд.

— Не смей! — зашептала она. — Не смей! Ты слово дал!

Всю ночь не спал Мишка. Ворочался на неудобной скамье. Уговаривал мать поспать.

— Ложись. Вторую ночь не спишь. Я подежурю.

Под утро мать не выдержала, согласилась. Бросила ватник на пол, свернулась калачиком, как маленькая девочка, и уснула. Мишка тоже задремал, сидя на табурете у «печки». Проснулся от непонятного гула и встряски. Хотел выскочить, но услышал топот немцев. Не решился.

70

71

— Мам, мам, — тряс он маму. — Что там? Наши? Сходи, глянь!

Проснулись сестрички, защебетали.

— Мама, смотри, банка трясётся. Живая банка!

Пустая банка на полке действительно подпрыгивала и передвигалась.

Мама быстро оделась и вышла.

Вернулась минут через десять. Принесла дров и морозный воздух.

— Наши, наши, — сказала мама, прижимая детей к себе. — Стреляют. Немцы бегают. Сейчас две машины проеха

ли, с крестами белыми. Дед Максим сказал: раненных повезли. Значит, недалеко ушли наши. И ещё дед сказал: не взяли немцы Москву. Не взяли.

Мишка улёгся на скамью и отвернулся к стенке. Конечно, он очень обрадовался, что наши стреляют, бьют фашистов, что Москву не взяли. Эх! Там происходят события! И всё без него. А он должен сидеть в кладовке и ничем не может помочь. Ни Красной Армии, ни своим друзьям, ни фронту. А ещё мститель!

Видно, уснул. Мама разбудила, тронув за плечо.

— Сынок, поешь немного. Голодный ведь.

Мишка сел, протёр глаза. Прислушался — тихо!

— Всё? Не стреляют?

— Целый день бухали, — сказала мама. — Скоро уж стемнеет. На, поешь.

Мама протянула ломоть сала с куском хлеба и половину луковицы.

— Тихо! — шикнула на расшалившихся сестричек. — Не глотайте сало, сосите и жуйте, а то животики заболят.

— Хлеб? — удивился Мишка. — Откуда?

— Макариха приходила, баба Поля, целый каравай принесла, — мама пытливо посмотрела на сына. — Миш, обещаю своё помнишь?

— Помню, помню.

— Ваня и Валя у неё. Ваню Игорь привёл, а Валя от немцев убежала. Замёрзла, пока шла. Болеет.

— Вот здорово! — воскликнул Мишка. — А Заяц, Чиж?

— Кто? — удивилась мама.

— Ой! — засмеялся Мишка. — Это для конспирации. Ну, Игорь, Колька?

— А их с другими увезли. В деревне их нет.

Мишка закрутил.

— И ещё! Почти все немцы повыезжали. Наш дом тоже освободили.

Мишка вскочил.

— Идём в дом!

— погоди, сынок. Боюсь я. Вдруг вернутся. Тебя схватят.

Мишка опять сел. Дожеввал сало с луком. И вдруг с улицы приглушенно донеслось: «Му у у».

— Ой! Никак Зорька, — мама побледнела и прижала руки к груди. — Или мне кажется?

Прислушались.

— Му у у.

— Зорька! Её голос! — мама накинула ватник и побежала на улицу.

Мишка за ней.

Во дворе стояла их кормилица, Зорька. Шумно дышала и пускала струи пара из ноздрей.

— Бедная моя, — причитала мама, хлопая по крутому боку. — Намучилась, замёрзла совсем.

72

Мама за один рог, Мишка за другой, завели корову в хлев.

Мишка слазил на сеновал, скинул охапку сена.

— Мишка, домой, — строго сказала мама. — Я Зорьку осмотрю, а ты воды в чугушке согрей.

Мишка вернулся, подбросил в ведро дровишек, подвесил на крюк котелок. Не утерпел, прошмыгнул в дом. Щёлкнул выключателем. Лампочка не горела. Нашёл в приступке пачку спички. Зажёг лампу, висевшую над столом.

Было грязно и не прибрано. Кругом окурки, бутылки, обёртки. Пустые консервные банки, куски смятой бумаги. Пахло противно. Шторками, сорванными с окон, чистили оружие. Тут же валялись сестричкины платья. Ими натирали сапоги.

Собрав со стола остатки хлеба, и варёной картошки, Мишка задул огонёк и вернулся в кладовку. По картофелине выдал сестричкам, остальное высыпал в котелок, Зорьке. Обжигаясь о проволочную ручку, бегом принёс котелок в хлев. Мама вылила варево в заиндевевшее корыто.

— Ну, как она? — спросил Мишка.

— Пока не пойму, — ответила мама. — Вымя пустое, выдоил кто-то. Завтра видно будет.

Корова, почуяв тёплую еду, потянулась мордой к корыту и почти за один раз вытянула жидкость с хлебными крошками и мятой картошкой. Покосилась грустным глазом: мало.

— Жуй сено, — сказал Мишка.

— В доме был? — спросила мама.

— Был.

— Я же просила!

— Так нет ведь немцев.

— Иди к девчонкам, испугаются ещё.

Мишка вернулся в кладовку. Девчонки прыгали, взявшись за руки, и пели: "Зорька пришла, молока принесла...".

— Нету молока, — сказал сердито Мишка и сел на скамью.

За стенкой что-то зашуршало. Раздался тихий стук в окно пустого дома. У Мишки дрогнуло сердце. Кто это? А вдруг ребята?

74

Мишка вышел на тёмное крыльцо и прислушался.

— Парень, — еле слышно произнёс мужской голос. — Иди сюда.

Говорили по русски. В первый момент Мишка хотел бежать. Мелькнула мысль — засада! Нет, не похоже. Мишка спустился с крыльца и подошёл к углу дома, откуда звали.

— Не бойся, мы разведчики, — продолжал мужчина и подсветил себя тусклым светом фонарика.

Мишка увидел двоих солдат в белых маскировочных халатах. На плече первого висел автомат с круглым диском, второй держал лыжи.

— Сколько немцев в деревне?

— Ушли, — зашептал Мишка. — Если и остались, то мало.

— Нам точно знать надо, — сказал первый. — У вас в доме есть?

— Нет, — сказал Мишка. — Где немцы, там свет в окошках.

— Резонно, — сказал второй разведчик. — Умный парень. Значит, так. Нас ты не видел, мамке скажи, чтобы утром в погребе спрятались. Скажи, так надо. Кого из соседей сможете — предупредите. Бывай.

Разведчики растворились в ночи, бесшумно, как и появились. Сердце Мишки билось от радости. Еле дождался маму, рассказал о встрече. И про погреб.

— Погреб то у нас в доме! — заволновалась мама. — Я спать не буду. Если немцы не вернуться, рано утром перейдём в дом и спрячемся в подпол.

Мама не спала, не спал и Мишка. И только сестрички, обнявшись, укутанные в тёплый полушубок, сладко посапывали и видели детские сны.

Наступила ночь после четвёртого дня оккупации.

76

77

К утру почти вся деревня знала про приход разведчиков. Незнакомым телеграфом распространилась весть, оставив цепочки следов на снегу. Стали прятаться. Тайком от оставшихся немцев и полицаев. Прятали неожиданно вернувшихся уцелевших коров и овец. Малых детей и старых. Понимали. Что то должно случиться. Или бомбёжка, или обстрел. Немцы собрались на кособоре у пушек. Устанавливали пулемёты. Прогревали моторы. Пьяные полицаи сновали по деревне. Ругались, требовали выпивку. Постреливали для остроты. Всю ночь по низкому небу металось зарево пожаров. Фашисты подожгли несколько домов на окраине. Но уже изменилось настроение в деревне. Уже уютно было полицаям. И стреляли они, чтобы заглушить страх. Перед возмездием. Деревенские, наоборот, перестали бояться. И боялись думать, что уже скоро должно случиться. Чтобы не сглазить.

Бедная деревенька моя. Моё Заветово. Обожженная, об

горевшая, ограбленная, униженная и оскорблённая. Но не сломленная. Не сдавшаяся на милость врагу.

Кроме двух трёх иродов, променявших Родину на гитлеровские рейхсмарки, на возможность безнаказанно разбойничать и убивать, ни стар, ни мал не смирились с оккупацией.

Кто то ведь сжёг фашистский штаб. Не верю, что сделал это дед Василий. Нашли старый, ржавый бидон и решили, что поджигатель он. Кто то же испортил моторы трёх грузовиков. Срывал листовки и приказы рейхсканцелярии и гитлеровского командования. ОЮМ грозил расправой. Эти три небольшие тетрадные листочки приводили фрицев в ярость. Дядя Петя с лопатой кинулся на немца. Не удалось фашистам увести скотину нашу.

Только начало светать, задрезжали стёкла в домах, от мощного гула сотрясались избы, сыпалась пыль с потолка. Шли наши бомбардировщики. Громили фашистские эшелоны на железке. Не успели фашисты отправить согнанных из деревень жителей: взрослых и детей. Испугались бомбёжки, попрятались. Все и разбежались. Заветовские тоже. Сбились кучкой и спешили обратно, в деревню, поддерживая, и подбадряя друг друга. Из разрушенных загонов разбрелась скотина.

Когда до деревни оставалось не больше километра, сзади шедших людей неожиданно раздался пулемётный треск. Стреляли в спину.

Люди, хватая детей, кинулись по обе стороны в лес. На дороге остались лежать трое.

79

Стреляли с бронетранспортёра. Он и ещё два грузовика проследовали в деревню. На косогор. Бронетранспортер вернулся и замер у моста. Солдаты с грузовиков расчищали снег и устанавливали миномёты. Таскали ящики с минами. И тут началось. Словно дальний гром прогремел. Ещё и ещё!

Первый снаряд разорвался у моста, раскидав прибрежные кусты. Второй чуть дальше. Третий угодил в бронетранспортёр. От него ничего не осталось — куча металлолома и обе зображенные трупы. Взрывы следовали один за другим. Не сколько снарядов залетели в деревню. Загорелся ещё один дом. У кого то разворотило хлев и разметало брёвна и доски, вперемежку с овцами по всему огороду.

Сидели в погребках и подпольях. По несколько семей, чтобы не было так страшно. Впрочем, страшно не было. Свои!

Наступают свои! Скоро освободят от оккупантов. Очистят деревню от захватчиков. А мы уж постараемся, чтобы и духу их не осталось. Только бы снаряд прямым попаданием в погреб не угодил. Глупо и обидно от своих погибать.

80

Но не зря разведчики ночью приходили. Взяли всё таки "языка", фельдфебеля по имени Карл. От него узнали, что в деревне остался взвод прикрытия. Основные части находятся на рубеже за рекой Нара. Получен приказ, в случае наступления русских взорвать мост и, не оказывая серьёзного сопротивления, выдвинуться к железной дороге.

Не знал Карл, что почти целая дивизия уничтожена в это утро на железке. Что танкам не нужен мост — местные жители по просьбе разведчиков установили вешки возле самых мелких мест реки Каменки. Что прибыли свежие, обученные, вооружённые, крепкие сибирские парни, которым не страшны ни мороз, ни снег, ни фашисты. Что по всему фронту на подступах к Москве началось стремительное, успешное наступление. И по всему фронту немцы бегут. Оставляя танки без горючего, пушки без снарядов, автомашины, которые на нашем морозе не заводятся, целые полки обмороженных, небоеспособных немецких солдат.

И здесь, у деревни Заветово, после артподготовки, послышалось громогласное «Уррра!». По полю и перелеску, из березняка и ельника, лавиной пошли в наступление советские солдаты. Они бежали на лыжах, на ходу постреливая. Немцы открыли беглый огонь из уцелевшей пушки и нескольких миномётов. Мины ложились беспорядочно, не причиняя большого ущерба наступавшим. За передовыми отрядами пошли танки. Их было немного, но это были красивые, мощные, боевые машины. На секунду замирая, они стреляли, окутываясь огнём и дымом. На косогоре, среди миномётных расчётов вздымались земляные букеты от взрывов, раскидывая фашистов, ящики с минами, раскалённые стволы.

Туда, к косогору, устремился полк комиссара Нестерова.

81

82

Взрослые и дети, не решаясь войти в деревню, стояли кучкой в зимнем стылом лесу. Мучились неизвестностью. Ухали пушки, гремели взрывы, содрогалась земля. Непонятно. Что происходит? Где немцы? Где наши?

Игорь прятался за толстый ствол сосны. Не выдержал. Стал перебегать от дерева к дереву. Кто-то крикнул: «Куда? Стой!» Игорь не слушал. Утопая в снегу, пробирался к деревне. Взял левее, к сгоревшей кузне. Там, на косогоре, в дыму и грохоте разрывов, бегали фашисты. Один грузовик горел, второй разворачивался к дороге.

— Ага! — кричал Заяц. — Получили, гады! Так вам и надо!

Бегите, бегите!

— Ура! — закричал кто-то тоненьким голоском сзади.

Игорь обернулся. Чиж!

Чиж, смешно подпрыгивая, скакал по снегу к Зайцу.

И вот они вместе запрыгали на месте и размахивали руками.

— Бей! Бей гадов! — кричал Чиж.

— Бегут! Бегут, как крысы! — кричал Заяц.

Когда стих свист и вой летящих снарядов, когда взрывы прекратились, они услышали отдалённое: «Уррра!». Увидели целую армию наших солдат. В белых маскировочных халатах, на лыжах. Бежали к Каменке, на ходу строчили из автоматов.

Разбежавшиеся немцы собрались около уцелевших миномётов и стали посылать мины на наступающих.

Игорь сжал кулачки. «Эх! Пару гранат бы... я б им...».

И тут он увидел, как слева, из небольшой ясеневой рощицы, к полю, которое четыре дня назад деревенские очистили от снега, а фашисты заминировали, помчались наши танки.

На танках сидели десантники.

— Там мины, — тихо сказал Заяц.

— Что? — не понял Чиж.

— Там мины! — крикнул Заяц.

— А как же... — Чиж не договорил.

Заяц по лесу оббежал фашистские позиции и кинулся вдоль минного поля навстречу танкам. Он бежал и махал руками.

Падал в глубокий снег, вскакивал и снова бежал. Шапка слетела, полушубок распахнулся, в валенки набился снег, но он не чувствовал холода. Не чувствовал ничего. «Куда! Там мины! Куда! Там мины!» — шумело в голове.

— Мины! Мины! — кричал он.

А танки мчались. Немцы опешили и на какое-то мгновение оцепенели. Этого хватило, чтобы командир головного танка заметил Игоря, понял: что-то случилось.

— Первый! — стал он вызывать командира батальона. — Я седьмой. Вижу мальчишку, справа от немецких позиций. Бежит по полю и машет руками.

— Седьмой, — ответил комбат. — Что-то серьёзное. Просто так пацан под пули не полезет. Видно, фрицы нам сюрпризик приготовили. Измени направление, возьми левее, дуй прямо на огороды.

— Есть! Внимание всем экипажам, говорит седьмой! Изменить направление, пятнадцать градусов влево! Вперёд! Танки с ходу повернули и ринулись в сторону деревни. И всё это заняло ровно минуту.

Та та та та та!

Автоматная очередь фашиста подвела черту этой минуте. Игорь упал. Все, кто следил за ним, ждали: сейчас вскочит. Игорь лежал, не шевелясь.

Главной танк с цифрой 7 на борту резко затормозил, вздыбил снежную пыль. Повёл стволом. Грохнул выстрел. Снаряд перелетел Каменку, поле. И на том месте, откуда стрелял немец, мощный взрыв сотряс землю, раскидал фашиста клочьями. Осколок попал в снарядный ящик, и мины одна за другой рвались прямо среди фашистов. Обезумев от страха, немцы кинулись в лес. Водитель застрявшего грузовика бросил машину и побежал по дороге. Он не обратил внимания на какого-то мальчишку и только когда подбежал почти вплотную, вдруг увидел в его руках немецкий автомат. От неожиданности и испуга он закрутился на месте, как подбитая собачонка и завизжал: «Найн! Найн!».

Автомат в руках Чиж забился отбойным молотком. Очередь была короткой. Фашист свалился и задрыгал ногами. Подбежали взрослые. Дядя Степан разжав руки Чиж, забрал автомат. И где он его только взял? Чиж заплакал. Навзрыд. Как маленький. Какая-то женщина прижала его к себе и стала успокаивать.

Танк "седьмого" подскочил к лежащему Игорю. Остановился. Откинулся люк и оттуда вылез лейтенант, командир экипажа. Он осторожно перевернул Игоря на спину и приподнял, оттирая снег с побелевшего лица.

— Сынок, — позвал танкист. — Сынок.

— Мины, — хрипло шептал Игорь. — Мины. Мины. Мины...

— Тихо, тихо, сынок. Всё кончилось. Ты успел.

Подбежали водитель и стрелок.

— Что с ним, командир. Живой? — спросил водитель.

— Живой, но весь правый бок в крови. Санитара.

— Санитара! — громко закричал стрелок.

85

— Санитара! — подхватил кто-то из десантников.

Прибежал санинструктор. Распорол свитерок, приподнял Игоря.

— Мины, мины, — продолжал хрипеть Игорь.

— Похоже, два ранения, — сказал санинструктор. —

В плечо на вылет. А вот вторая пуля — похуже. Поломала рёбра и в лёгком застряла. Кровотечение остановлю, обезболивающее вколю. Но нужна срочная операция.

— Потапов, — позвал лейтенант. — Свяжись с нашими, кто уже в деревне. Пусть срочно сани сюда организуют.

— Есть! — ответил стрелок, он же радист, и юркнул в водительский люк.

Подбежали деревенские. Женщины запричитали, деды и мужики говорили: "Герой! Геройский пацан!".

— Товарищи! — сказал лейтенант. — Этот парень, не знаю его имени, спас нам жизнь. Нам надо дальше фашиста гнать. Позаботьтесь о нём. Ему срочно в госпиталь надо.

— Не сомневайтесь! Отправим. А звать его Игорем. Зайцевым.

— Запомню, — сказал танкист. — Победим, разыщу. Спасибо ему сказать должен.

Он скрылся в люке. Танк фыркнул и помчался догонять своих.

86

87

Когда мимо домишки бабы Поли прогромыхали танки, прошла пехота на лыжах, звуки боя отдалились к станции, меня наконец то выпустили. С кровати на меня смотрели потемневшие глаза Вальки, нашей отважной Куки.

Я побежал к дому. Дома не было. Среди дымившегося пожара торчала печная труба. Фашисты сожгли наш дом. В огне исчезло всё. Мне показалось, что сгорела наша довоенная жизнь. Сгорели наши метрики, документы, фотографии. Мой первый зуб. Модель "Авроры", которую мы собирали с отцом. Мои тетрадки и любимые книжки.

Мама. Где же ты моя мама?

Банька осталась. В ней ещё хранилось тепло. Не выстудило. Затопил печурку и побежал на улицу.

По деревне металась люди. Пытались тушить ещё не полностью сгоревшие дома. Искали родных, свою живность. Сняли дядю Петю. Положили рядом с другими убитыми. Пришли солдаты. Мне показалось, старики. Усатые, хмурые, в грязных телогрейках. Похоронная команда. На краю деревни стали рыть большую яму — братскую могилу. Кроме наших, деревенских, похоронили погибших солдат.

Надвигались сумерки. Я брёл по улице, не зная куда.

Очень хотелось встретить кого то. Знал, что никого не встречу. Увезли, угнали в Германию. И вдруг!

— Ваня! Сынок!

— Мама!

Я бросился к маме. Не сразу разглядел у неё под мышкой Чижа.

Мама рассказала мне про все события двух дней. Эх!

А я просидел у бабы Поли, в тёплой избе. Заяц — герой, Чиж — фашиста застрелил. Кука у них из под носа сбежала.

А я? Одну листовку написал. И то Кука с Зайцем приклеили.

— Сынок, пойдём, Колю домой отведём, — сказала мама.

Не успели. Дома у Чижа всё узнали, и его уже искали. Мама Чижа упала перед ним на колени, ощупала всего. Тискала

и плакала. Плакал и Чиж.

— Ваня! Ванечка! — подбежала к нам мама Куки. — Ванечка, если вы вернулись, где Валя? Ты не видел её?

— Она у бабы Поли.

— У кого?

— У Макарихи.

Валина мама убежала.

— Галич! Галич! — закричал вынырнувший откуда-то Сорока. — Смотри, кто нашёлся!

Сорока вытолкнул чумазого, грязного до черноты паренька в разодранной фуфайке. Я всмотрелся в перепачканное сажей лицо.

— Пашка! Кремень! Пашка! Живой! — я кинулся к другу и обнял. Он пропах гарью и дымом.

Кремень молчал и дрожал. От холода. Тут я увидел, что на ногах у него старые разбитые ботинки.

— Кремень в «холодной» сидел, — рассказывал за Пашку Сорока. — Это он штаб поджог, а Тищенко его выследил. Уже два дня, как поймали, хотели завтра повесить при всех.

— О, Господи! — воскликнула мама. — Паша, это правда?

Кремень кивнул.

— Мы думали — ты сгорел! — ляпнул я.

88

— Неа, — стуча зубами, выдавил Пашка. — Я, как немцы пришли, в окошко юркнул и в погребеке спрятался. У дяди Харитона погребок в огороде. Два дня просидел, потом решил отомстить за кузню.

— Да ты замёрз совсем. Пойдём к нам.

— Я его к нам отведу, — сказал Сорока. — Отогреем, не беспокойтесь. Пашка, бежим. Галич! Давай завтра ко мне. Пароль: «Отряд действует!».

— Ладно, — крикнул я в темноту, в которой исчезли мальчишки.

— Что это ещё за Галич? — спросила мама.

— Ну. Это так. Для конспирации.

Мы шли по деревне. Вдруг вдоль улицы заплясали тусклые огоньки. Появилась легковушка, остановилась около нас.

Вылез военный.

— Здравствуйте, — поздоровался он. — Вы местные?

— Здравствуйте, — ответила мама. — Местные. А вы кто?

— Полковой комиссар Нестеров, — военный козырнул. —

Не скажете, в каком доме у вас дед Василий живёт?

— Убили деда Василия. И внучку его. Расстреляли фашисты.

Военный помолчал. Стукнул кулаком по крыше машины.

Загудела крыша.

— Жаль деда, — проговорил он. — Так и не узнал, что не

солгал я. Говорил, ненадолго уходим... Да, сколько горя фашисты несут. Ничего, за всё ответят. А Гитлера в клетку посадим, и пусть все, кто мимо проходить будет, плюют ему в лицо.

Он сел в машину. Придержал дверцу. Посмотрел на меня.

— А что это за ОЮМ такой, не знаешь? — спросил.

— Отряд юных мстителей! — ответил я. — А вы откуда знаете?

— Не только я, в штабе армии знают. Из редакции «Красной Звезды» звонили, хотят корреспондента прислать. Нагнал страху на фрицев, этот ОЮМ. Стало быть, юные мстители! — помолчал, добавил: — С такими хлопцами, да не победить!

Военный махнул рукой.

— Прощайте, — сказал и захлопнул дверцу.

Укатили. Стало тихо. Не просто тихо, а очень тихо. Будто накрыли нашу деревню банкой. Темно и тихо.

— Мам, а наш дом сгорел, — выпалил я.

Мама ничего не сказала. Взяла меня за руку, и мы пошли к нашему двору.

90

— Жалко, — добавил я.

— Ничего, сынок. Главное, что мы живы. Всё остальное — дело наживное. Разобьют фашистов, вернётся отец. Мы такой дом построим, в сто раз лучше прежнего.

— Главное, что мы живы, — повторила мама.

Пошёл снег. Тоже тихий, лёгкий. Кружил хороводы. Гладил по щеке. Мягко ложился на плечи. Успокаивал.

А впереди была война. Долгие четыре года. Впереди Победа! Мир! И вся жизнь, впереди.